

УДК 17

ПРОЦЕСС ДЕКОНСТРУКЦИИ ЕДИНСТВА ИСТИНЫ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Анна А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Исследуется природа знания как ресурса власти и управления в условиях информационной социальности; отказ от субстанциализма рассматривается как основание процесса деконструкции единства истины, легитимации её гетерогенности.

Философия рубежа XX–XXI вв. отвергла субстанциализм как исследовательский метод, — стал очевидным процесс деконструкции метафизики, как стала очевидной и необходимость реинтерпретации различных сфер социальной реальности. Субстанциализм в интерпретации явлений природной и социальной реальности исходил из единого начала и абсолютной истины; с отказом же от субстанциализма как исследовательского метода формируется возможность синтеза различных пластов исследования и обоснования истины, обретающей концептуальный смысл. Процесс деконструкции единства истины легитимировал её гетерогенность, множественность её концептуальных смыслов — жизненных, повседневных, культурных. Ситуация во многом объясняется процессом трансформации современной культуры: «открытость» культуры проявилась в обретении ею таких характеристик как «неустойчивость», «гетерогенность», «плюральность», «поликультурность», «мультипликация», «маргинальность», «мерцание».

Культура, называемая посттрадиционной, информационно-коммуникативной, обнаружила органичную связь с трансформацией знания. Само же знание, обретая информационную форму, приобретает статус важнейшего властного ресурса, оказывается включённым в масштабный социокультурный контекст, трансформируя сферу властных отношений. В целом это объясняется культурным состоянием рубежа XX–XXI вв., состоянием, которое аналитики постсовременной, постмодернистской ориентации (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, К. Хельд, Р. Бахрах, М. Баратц, У. Браун, П. Клотц, В. Фурс) обозначили как состояние постоянной динамики, маргинальных пересечений, «мерцания смыслов». Деконструктивистские процессы в философии и культуре привели к трансформации статуса истинного знания, обозначили идею контекстуальности, ситуативности, лингвистичности обоснования истины и по сути своей легализовали гетерогенность истины.

Идея гносеологической власти истины, являвшейся базисной установкой классической философии, подверглась трансформации, власть была расширена до социокультурных масштабов. Трансформация субстанциализма как стиля мышления, ориентированного на «начало», «первооснову», деконструктивные процессы в метафизике сопро-

вождались культурным резонансом, мир культуры стал интерпретироваться как «резомный» (Ж. Делез), возникли и новые обозначения — «жизненный мир» (Э. Гуссерль), «повседневность» (М. Хайдеггер, Б. Вальденфельс), поликультура. Трансформации подверглась онтология социальности и культуры. Возникли направления, в границах которых аналитики (К. Хельд, В. Фурс, Ю. Хабермас) заговорили о специфичности коммуникативной онтологии, такой онтологии, которая по сути своей органично связана с информационным характером общества.

Исследующие этот процесс Ж. Подгурецкий, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, П. Бурдьё увидели органичную связь коммуникативной онтологии социальности и информационности общества; эта связь предопределена тем, что, заполняя социальные сферы, наделяя их движением и изменением, обуславливая непрерывность изменения социальных сфер, коммуникаций, информация делает подверженными трансформации все области социума. Социальное развитие, нестабильность социальной реальности стали зависеть от виртуально-знакового фактора информации. Д. Белл и О. Тоффлер обратились к идее трансформации статуса экономического фактора в социокультурной сфере, а М. Баратц, П. Клотц, Р. Бахрах обратили исследовательский интерес к идее информационной (знаниевой) власти. Анализирующие проблемы власти включили в исследовательский арсенал идеи «распыления», «смещения» власти, и тех социокультурных последствий, которые это «распыление», «смещение» имело: возникновение меритократии (М. Янг), формирование новой классовой структуры (Д. Белл, А. Турен, Ф. Махлуп), новая природа бюрократии и предпосылки преодоления бюрократии (У. Браун, А. Мартелл, А. Хонор, Б. Губл, Г. Маркузе, А. Ингледард).

Интерес к обозначенным проблемам был вызван реальным изменением статуса знания в условиях новой информационной социальности, сама власть истины как гносеологического принципа построения научного знания была трансформирована в социокультурную власть информации в постиндустриальном социуме. Трансформация властных отношений информационного общества, объяснимая с позиций разрушения властной силы единой истины, осуществившегося в процессе

культурфилософского процесса деконструкции метафизики, включила в число важнейших аналитических проблем проблему соотношения гносеологической и социокультурной власти знания, выявления взаимосвязи властных отношений в культуре информационной социальности, выявление механизма связи культурфилософского деконструктивизма и превращения знания в информацию, отыскание философских оснований, явившихся предпосылкой формирования новых социально-политических структур.

Предметом анализа стал вопрос о том, как под влиянием социокультурных процессов превращения знания в информацию, происходят трансформации социальной структуры, как изменяется ось социальной дифференциации и появляются социальные слои, отличные по своим критериальным характеристикам и от «класса», и от «страты». Ось социальной дифференциации проходит не по вертикали, разделяющей общество по экономическому признаку, а по горизонтали, в основу этого положен признак образованности и владения знаниями; появляется «оверстрат интеллектуалов», которому принадлежит власть, и который удерживает управленческие функции в политике и экономике благодаря тому, что является владельцем знания.

Утверждая, что коммуникативная онтология социальности органично связана с той ролью, которую выполняет в пределах социальности информация, покажем, как информация выступает в роли фактора, вызывающего нестабильность, изменчивость социальной реальности. Для классического знания базисным основанием, центром была истина; явившись современной формой знания, информация утратила центр, утратила стабильность; информация, утратив стабильный центр, «рассыпала», «рассеяла» (*difference* — Ж. Деррида) социальность. Так появилась та онтология культуры и социальности, назначение которой можно обозначить через попытку «схватить» «рассыпанную» социальность. И именно эту роль выполняет порождаемая через информацию коммуникация.

В условиях формирующегося *Knowledge-based Society* трансформированными оказались культурные аспекты властных отношений. Если ранее истина виделась как осуществляющая власть над знанием и культурой, то обнаруживаемый в культуре XX в. деконструктивизм поставил под сомнение интерпретируемую таким образом власть истины; резонансом этого явилось исчезновение понимания власти как централизованной, «распыление» власти, её проникновение в периферийные структуры мира повседневности. Информация в этих условиях, замещая знание, превращается в фактор, формирующий новые по своим особенностям и специфике межличностные отношения.

Что же касается трансформации представлений о сути и назначении власти в ситуации информационной социальности, то, как отмечают аналити-

ки [1–3], концептуальная модель постиндустриального общества эволюционирует в направлении обращения к теоретическим построениям, выдержанным в социокультурном ключе, в пределах этих установок очевидна необходимость анализа политических и культурно-организационных феноменов: феномена массовых коммуникаций, семьи, войны и власти, институтов управления и власти. К примеру, Д. Гэлбрейт пишет об «анатомии власти»: для традиционного общества характерна «заслуженная власть», в индустриальном обществе она приобретает форму компенсирующей власти (фокусом её выступает частная собственность и вознаграждение), в постиндустриализме власть даётся через овладение знанием — информацией. В этом случае предлагается вариант интерпретации знания как той основы, на которой возникает «невидимое сообщество людей с просветленным пониманием будущего»: в результате мир предстаёт стабильным, вырастают качественные показатели жизни, изменится социальная роль интеллигенции как субъекта генерализации знания актуального и социально-прогностического типа. Знание превращается в стратегический ресурс управления и власти.

С. Нора, А. Минк, М. Постер, П. Друкер и М. Кастельс дали масштабный анализ тенденций развития информационного общества. А поскольку природа информации как ресурса такова, что она легко проникает через всевозможные преграды, информационная эра представлена М. Кастельсом в «Информационной эпохе» как эра глобализации, сбор, анализ и передача информации превращены в источники производительности и власти: «... новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей. Вот почему власть в информационный век одновременно можно идентифицировать и нельзя уловить. Мы знаем, что она собой представляет, однако неспособны уловить её, поскольку она является функцией бесконечной битвы вокруг культурных кодов и кодексов общества. Вне зависимости от того, кто выйдет победителем в битве за умы людей, именно он будет править миром, поскольку в обозримом будущем никакие громоздкие, неповоротливые механизмы не смогут соперничать с умами, опирающимися на власть гибких, многовариантных сетей» [4].

Обретение знанием статуса ресурса власти выражено в обретении знанием функции власти, в расширении сферы применения знания в его управленческом значении: из сферы государственно-политического управления оно перешло во все социальные инфраструктуры, знанию оказалась придана социальная проблематизация, и именно в сферах социальности и культуры знание превращено в ресурс власти и управления.

Мы обращались выше к тезису о том, что знание превращается в информацию. Как возможно интерпретировать сам термин «информация»? Под информацией понимается содержание знания и форма передачи знания. И хотя сегодня существует множество разделений информации (так в информационной теории информация интерпретируется как мера неопределенности, устраняемая сообщением), единственным в интерпретации этого понятия является признание внешнего по отношению к человеку характера информации и признание процесса коммуникации как доминирующей формы ее существования. Исследователи [5] отмечали то обстоятельство, что информационная форма существования знания принципиальным образом трансформирует культуру, а акцент в определении знания как информации обретает культурное значение. Д. Белл [6] пишет о знании как об оплачиваемой «интеллектуальной собственности», как о «составной части социальных инвестиций». Р. Акоф-фом создана модель формирования знания и его статуса в культуре: данные — информация — знание — понимание — мудрость. Информация, приведенная в систему баз данных, обработана с целью использования, в то время как в знании сформулированы сущностные связи между явлениями, представленными в информации. Существующие формы знания — индивидуальное (субъективное), кодифицированное и объективированное знание. Объективированное знание — это интеллектуальные модели, воплощенные в объективной форме процессов деятельности, ее инструментов и результатов.

П. Друкеру принадлежит попытка раскрыть существо процесса превращения знания в информацию и степень влияния этого процесса на культурное развитие. Последнее проявляется в том, что знание — в основе любой сферы современного социокультурного процесса, именно знание обеспечивает адекватное информационному обществу качество; знание является базой для усовершенствования существующих и создания новых продуктов и услуг; знание определяет эффективность социокультурных и управленческих процессов; компетентность работников, создаваемая и поддерживаемая знанием, обеспечивает качество процессов культурного развития. Что касается статуса знания как ресурса, близкого по своим свойствам к основному капиталу, этот статус заключен в специфике, которая присуща традиционным элементам основного капитала; специфика эта — в принципах самовозрастания интеллектуальных ресурсов. Инвестирование средств в интеллектуальные ресурсы, обретая форму затрат на образование, увеличивает запас знаний, позволяющий решать проблемы, общекультурного значения; превращение знания в информацию влияет на культурное развитие, обеспечивая интеллектуальный ресурс.

Фактором существования социальности и культуры в условиях общества информации становятся коммуникации, превращающие это общество в информационно — коммуникативное; это общество

функционирует как самоорганизация коммуникаций и связей, в которой коммуникация проявляет себя в статусе онтологии культуры, фактор же движения выступает как культуuroобразующий, именно внутренние процессы порождают состояние социокультурной динамичности.

Концептуальная интерпретация знания как ресурса власти и управления предложена О. Тоффлером в исследовании «Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», — автор пишет о ситуации трансформации системы власти, о вступлении в эру смещения власти, когда распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые [7] При этом сам процесс «смещения» власти вызван трансформацией природы власти, когда власть силы и богатства уступает позиции власти знания, когда в условиях нового типа культуры формируется новый способ получения общественного богатства, названный «суперсимволической экономикой»; этот процесс О. Тоффлером обозначен как процесс «переструктурирования властных взаимосвязей», само же «смещение власти» означает не перемещение власти, но ее трансформацию, трансформацию способа реализации власти, когда получение общественного богатства становится зависимым от распространения информации, идей, символов, как зависит и от коммуникативных связей и практики коммуникативных отношений. Превратившись в фактор роста национального продукта, власть знания обеспечила переход экономической и политической власти к производителям информации, занятых в сфере сервиса и обработки массы информационных услуг; оформление сервисного фактора в постиндустриальной экономике определило приоритетный статус услуг, основанных на применении знания: менеджеры, эксперты по вопросам организации создают богатство посредством использования информации.

Очевидны и социокультурные последствия власти информации: развитие телекоммуникационных сетей, доминирующая роль информационно — телекоммуникационной инфраструктуры, компьютерные сети Интернет. Идет становления мировой информационной экономики, — сегодня это сетевая экономика, использующая глобальную электронную среду с преобладанием знаний и информации. Контроль над информацией определяет реальную власть в сферах экономики и политики, «общество эволюционирует к полностью антибюрократическим властным формам знания» [8], свободный поток информации с необходимостью естественного процесса требует уничтожения порожденной бюрократической организацией иерархической структуры коммуникаций. Реформируется институт бюрократии, на смену бюрократическому аппарату приходят системы компьютеризованного управления. Промышленное производство обретает статус «ментального производства». А форма демократии, предполагающая трансформацию системы власти, концентрирующейся на

государственном уровне, формируется в масштабе наднациональных властных структур. Социальная реальность основывается на идеале разнообразия и неоднородности, разрушается идея и понятие «массы»: «мозаичная демократия» (О. Тоффлер) и «микрофизическая власть» (М. Фуко) становятся реальностью информационно-коммуникативной социальности.

Оформление идеи становления знания как ресурса власти и управления делает очевидным многие социально-культурные последствия трансформации роли знания в условиях информационной социальности. Трансформация коснулась и института университетского образования. Перед произведенным знанием стоит задача немедленного использования, задача компенсации промышленных инвестиций; и сфера образования становится важнейшим средством, обеспечивающим лидерство в сфере высоких технологий. Университет превра-

щается в инструментарий власти, в сферу бизнеса. В сферах образования и науки формируются новые социальные слои, которые способны стать средоточием власти, — ими является «оверстрат интеллектуалов».

В заключение отметим, что становление информационной социальности трансформировало представление о власти, дополнив представление о традиционной гносеологической властной роли истины представлением о власти социокультурного характера: очевидной становится социокультурная природа института социальной власти. В XX в. была трансформирована метафизическая ориентация философии, в силу чего множественность, гетерогенность истины и «микрофизика» власти были легитимированы. Знание добавило к своей важнейшей функции не менее важную функцию социокультурную, превратившись в ресурс власти и управления информационно-коммуникативного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакун Л.А., Шумаван А.И. Что за «третьей волной»? // Полис. — 1991. — № 5. — С. 19–42.
2. Земсков А. Информационное общество — открытое общество // Новая книга. — 1998. — № 8. — С. 28–41.
3. Пугачев В.П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XX веке // На рубеже веков. — 1997. — № 4. — С. 15–21.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2001. — 606 с.
5. Рейнин Г.Р. Знание и информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humans.ru/humanc/> 243 13, 2002.
6. Белл Д. Грядущее информационное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Наука, 1999. — 613 с.
7. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. — М.: Наука, 1991. — 212 с.
8. Тоффлер О. Третья волна // США — экономика, политика, идеология. — 1982. — № 7. — С. 3–17.

Поступила 11.10.2006 г.

УДК 17

К ПОИСКУ ОСНОВАНИЙ НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ОТ КОГНИТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ К ГУМАНИСТИЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Анна А. Корниенко

Томский политехнический университет
E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Обсуждается проблема кризиса современной цивилизации, обусловленного дегуманизирующей ролью научно-технического прогресса, и пути формирования нового, гуманистического мироотношения и гуманистически ориентированной науки.

Характеризуя жизнедеятельность общества, человек все чаще обращается к термину «дегуманизация», применяя этот термин и к науке, полагая, что наука, выполнив свою гуманистическую миссию, дегуманизировала то, к чему была обращена: систему ценностей, систему образования и культуры. Наука выступает в качестве существенного достижения цивилизации, однако успехи разума для человека оборачиваются и своей противоположностью: наука своими достижениями многое обещает, но ими же реально угрожает человеку. Так совершающаяся компьютерная революция радикально

меняет формы и характер интеллектуальной деятельности. Человек освобождается от рутинных процедур, они передаются машине, но дополнительные резервы времени используются для продуцирования творений интуиции не эффективно, так как для их появления нужен определенный инкубационный период, который, возможно, совпадает во времени с выполнением этих рутинных механических процедур. Сложившаяся ситуация порождает настороженное, недоверчивое отношение к науке, формирует понимание того, что традиционный тип рациональности в науке исчерпал свои